

РОЗЫСКАНИЯ ПО ОБРЯДУ ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

К настоящему времени оформилось довольно стандартное представление о погребальной обрядности бассейна рр. Дона - Северского Донца эпохи Хазарского каганата, то есть могильников салтово-маяцкой культуры. Выявлены основные типы погребальных сооружений и способы захоронений (курганы и грунтовые могильники; катакомбы, ямы, подбой; трупоположения). Имеется и небольшое количество публикаций с традиционной схемой описания (положение скелета, ориентировка, инвентарь и так далее). Казалось бы все каналы извлечения информации из могильников подключены и вопрос только в том, чтобы активнее ими пользоваться, то есть публиковать раскопываемые могильники со все более детальным описанием установленных признаков, может быть, добавляя к ним другие того же уровня.

Открытие обряда обезвреживания погребенных заставляет посмотреть на всю погребальную обрядность совершенно по-новому. Возникла необходимость переосмыслить итоги раскопок всех без исключения могильников с трупоположением за всю историю раскопок. Мало того, обряд, который первоначально был выявлен только на раннесредневековых могильниках Нижнего Дуная и бассейна Дона - Северского Донца, оказалось имеет широчайшее распространение и в других регионах Восточной Европы.

Изучение обряда обезвреживания открывает новые возможности изучения языческих верований раннего средневековья. Представления о них мы имеем пока довольно смутные и отрывочные.

Совершенно неожиданно выяснилось, что обезвреживание погребенных имеет непосредственное отношение к проблеме перехода кочевников к оседлости. Этому посвящена заключительная часть статьи.

“Розыскания” - это почти вышедшее из употребления в русском языке слово имеет, в отличие от близких по значению, нюанс - поиск во всех направлениях. Вот таким поиском и является предлагаемая работа.

* * *

Каково же место обряда обезвреживания умерших в погребальной обрядности раннесредневековых сообществ Восточной Европы? Еще 10-20 лет назад он воспринимался как нечто специфическое, особенное, как некое отклонение от нормы. Модернизируя ситуацию, мы бы сказали: как проявление какого-то сектанства, если даже не проявление изуверского отношения к умершим соплеменникам. Одно только мысленное воспроизведение сцены раскапывания мо-

гилы, прикосновение к костям, зачастую с остатками мягких тканей, всего лишь недавно скончавшегося родственника, наконец, разрушение его скелета, отделение от него черепа (по существу головы от тела) вызывает и невольное возмущение, и одновременно чувство брезгливости. Все это так, но только с точки зрения человека, воспитанного в иной исторической эпохе, в иной культурной среде. Для современного “европеизированного” человека могилы и остатки умерших неприкосновенны. Что особенно подчеркну - неприкосновенны и могилы тех, кто в жизни принадлежал не к лучшим представителям рода человеческого. Археологическая действительность, отразившая действительность средневековья, оказалась иной.

С постоянно возрастающим числом исследуемых могильников со следами обезвреживания погребенных, причем не только в пределах Хазарского каганата и Северного Кавказа, но и по всей Восточной Европе (иных территорий мы не станем касаться) открывается совершенно другая картина. Следы проникновения в могилы обнаружены в десятках могильников Югославии, Болгарии, Венгрии, в бассейне Дона, на Северном Кавказе и Волге, в Приуралье и на севере до коми-перми. Не был исключением и славянский мир. Обезвреживание погребенных предстает в качестве обыденного, широко распространенного в раннем средневековье явления, хотя появляется в более раннюю эпоху. И это распространение отнюдь не исходило из одного центра. Нет, обряд обезвреживания появлялся в каждой этнической общности самостоятельно на определенной стадии развития не только в социально-экономических отношениях, но и в религиозном языческом сознании, в основе которого лежало совершенно реалистическое представление о потустороннем мире с одной стороны, и извечный страх перед таинством смерти, с другой. Как следствие, возникает представление о возможности общения с умершими, а затем и их вредоносности (существовал и культ предков, и вера в защитительную силу умерших, но это уже другая тема). “Наказание” со стороны предков - это составная часть культа предков.

С переходом к новому и даже новейшему времени обряд обезвреживания не исчезает полностью, но трансформируется в иные формы, меняется его содержание, иногда до неузнаваемости. Мы коснемся далее и этой темы.

* * *

С раскопками в 1975, 1977-1982 гг. могильника, входящего в состав известного Маяцкого археологического

комплекса, мы впервые реально столкнулись с тогда ещё малоизученным обрядом. Проявился он в том, что почти все скелеты в катакомбах и немногих на могильнике ямных и подбойных погребениях в той или иной степени были нарушены, инвентаря при них было немного, или же он полностью отсутствовал, дромосы катакомб имели своеобразную повторяющуюся стратиграфию.

Малочисленность вещей первоначально наталкивала на традиционное объяснение: могильник подвергся сплошному ограблению. Детальное изучение результатов раскопок каждого погребения в отдельности и всех в совокупности заставило отказаться от такой трактовки. Систематизация признаков, в особенности стратиграфии заполнения дромосов, привела к другому решению: население, оставившее этот могильник, в силу своих верований само вскрывало захоронения, и само же разрушало скелеты ранее умерших родственников. Разрушались скелеты не только предков, то есть представителей старших поколений, но и младших, вплоть до малолетних детей и подростков. Сочлененность суставов некоторых скелетов, подвергшихся разрушению, указывала на то, что вскрытие происходило через очень непродолжительное время после похорон, когда мягкие ткани только-только истлели, но связки на суставах могли еще сохраняться. Другими словами, разрушение скелетов осуществляли, по-видимому, те же лица, скорее всего родственники, которые сами участвовали в похоронах. Они прекрасно знали самого погребенного, его характер, род деятельности, заслуги и неудачи, отношения с родственниками, соседями и так далее, то есть все, что характеризует человеческую личность и ее статус в обществе. От этого, как и многих других факторов, зависела и степень разрушения скелета, от частичного до полного. Лишь изредка скелет оставался ненарушенным.

Наверняка немалую роль играли знамения, подаваемые умершим из потустороннего мира, результаты общения с ним шамана и аналогичные источники информации, хорошо известные по этнографии. В совокупности их называют узнаванием посмертной судьбы. Тема непрерывающейся связи живых с умершими достаточно изучена мировой наукой, и ссылки на литературу в данном случае будут излишни.

Главным итогом раскопок Маяцкого могильника стало установление самого факта преднамеренности разрушения скелетов и соответственно исключение версии ограбленности могильника (Флёров В.С., 1984; 1990; 1993; о проблеме отличия обезвреженных от ограбленных погребений см.: Флёров В.С., 1997; 1998).

Можно и теперь, уже спустя двадцатилетие после начала раскопок Маяцкого могильника, признаться, что этот вывод дался нелегко. Сам факт бытования обряда у «маяцкого» населения сомнения не вызывал. Ранее обряд был отмечен на Дмитриевском катакомбном могильнике. Известен он был к тому времени и на многих могильниках Болгарии. Поражало то, что разрушению подверглись останки не отдельных

погребенных, или хотя бы значительной их части, но почти всех. Исключения были единичны. Однако теперь, после многолетнего изучения обряда обезвреживания, именно почти стопроцентное разрушение стало одним из аргументов в пользу его бытования на могильнике и одновременно аргументом против первоначального предположения об ограблении. Только люди, прекрасно знавшие устройство катакомб на своем могильнике, расположение и размеры ведущих к ним дромосов, могли найти и вскрыть их, а после этого вновь тщательно засыпать. Восстанавливались, конечно, и внешние знаки над дромосами: насыпи, ровики, а, возможно, и деревянные оградки или шесты.

Еще раз повторим: для современного человека, даже археолога, вскрытие могилы человека, в похоронах которого участвовал сам, разрушение его скелета выглядит варварством и вызывает психологическое отторжение возможности подобного. Обряд кажется неимоверно далеким во времени и давно исчезнувшим, а главное, локальным явлением, существовавшим лишь у небольших групп населения. Это мнение проистекает от невнимания к историческим источникам, археологическим и этнографическим свидетельствам, рисующим иную картину. Обратимся к свидетельству самого недавнего прошлого. Обращение к нему может показаться неожиданным, но только потому, что в нашем воображении существует непреодолимая стена между средневековьем и современностью. Нет такой.

Известный русский писатель Б.Зайцев, побывавший на Афоне в 20-х годах нашего века и не имевший никакого отношения к этнографии, оставил свидетельство, которое лишь недавно стало доступным. Описываемое относится к Андреевскому скиту: «Вот каковы особенности погребения на Афоне: хоронят без гроба, тело обвивают мантией и так (по совершении сложного и трогательного чина) предается земле. Затем через три года (разрядка наша - В.Ф.) могилу раскапывают. Если за это время тело еще не истлело, не принято землей, то, по вере афонцев, усопший был не вполне праведной жизни. Тогда могилу вновь зарывают и особенно горячо молятся за брата, посмертная жизнь которого слагается с таким трудом. Если же тело истлело без остатка, кости чисты и особенно медвяно-желтого цвета, просвечивают, это признак высокой духовности покойника. Кости тогда вынимают, омывают в воде с вином и складывают почтительно в гробницу» (речь идет о специальном помещении в скиту - В. Ф.) (Зайцев Б., 1990, с. 41). К сообщению писателя добавим, что черепа складывали отдельно, длинные кости рук и ног отдельно. Остальные кости, вероятно, оставались в могиле.

При всем том, что афонское православное монашество вкладывало в описанный обряд иной смысл и символику, он буквально пронизан язычеством и суевериями, не имеющими никакого отношения к христианству. Чего стоит одно только определение качеств личности и посмертной судьбы погребенного по состо-

янию его мягких тканей и костей. Не удивительно, что православный Б.Зайцев погребальные обычаи Андреевского скита воспринял как необычные, достойные подробного описания. Рассказ его ценен прежде всего своей объективностью и непредвзятостью. С пиететом относясь ко всему увиденному на Афоне, он даже не стал комментировать описанное. Мы же должны добавить к сообщению паломника Б.Зайцева, что виденное им на Афоне не есть что-то необычное. Костицы с извлеченными из могил черепами и длинными костями есть во многих монастырях Европы. К афонскому сюжету мы еще вернемся.

Не трудно заметить, что описанный обряд в деталях соответствует увиденному на Маяцком могильнике, хотя и приобрел другое, соответствующее иной эпохе и культурно-религиозной среде содержание. В этом проявился широко распространенный феномен, “когда то или иное социальное явление в ходе своего развития испытывает превращения, порой в корне меняющие его природу, его первоначальную сущность, утрачивает прежние функции и приобретает новые” (Токарев С.А., 1983, с.55).

Можно ожидать, что дальнейшее изучение письменных источников, включая литературные, позволит обнаружить следы обряда обезвреживания у многих народов вплоть до нашего времени. Что касается эпохи Хазарского каганата и Алании, то он был, безусловно, самым заурядным явлением, как и в Первом Болгарском царстве и синхронных культурных и иных образованиях (Флёров В.С., 1993, с.53-60). Остается сожалеть, что опубликованные еще тридцать лет назад данные об обряде обезвреживания на Дмитриевском могильнике остались незамеченными* (Плетнева С.А., 1967, с.79-83).

Некоторое оживление в изучение обряда обезвреживания внесли раскопки Маяцкого могильника, ряд отечественных археологов стал обращать на него внимание. Понятно, что теперь необходим пересмотр результатов раскопок многих могильников, в которых состояние скелетов, особенности стратиграфии и другие признаки получили неправильное толкование. Такой пересмотр, однако, не всегда возможен в силу несовершенства многих раскопок и неполноты отчетной документации. С уверенностью можно говорить об обряде обезвреживания в ряде исследованных погребений Верхне-Салтовского, Подгоровского и некоторых других могильников. Нуждаются в пересмотре многие захоронения в могильниках Волжской Булгарии, в том числе Больше-Тарханском (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964).

Раскопки Маяцкого могильника дали значительный опыт полевой и кабинетной работы с преднамеренно вскрытыми погребениями, но этот опыт не все-

объемлющ. Обряд обезвреживания имел здесь, если так можно выразиться, завершённый, “классический” вид: разрушены почти все скелеты; удалено большинство вещей; хорошо выражена стратиграфия дромосов. Вероятно, такие могильники будут встречаться и в будущем, не только в пределах салтово-маяцкой, но и других культур. В большинстве же известных могильников эпохи раннего средневековья вскрывались с целью обезвреживания не все, а то и меньшинство захоронений, примером чему служит упоминавшийся Дмитриевский могильник.

Иными могут быть и археологически прослеживаемые результаты обряда. В частности, это касается погребального инвентаря, который мог оставаться при нарушенных скелетах в том или ином объеме и даже полностью.

Особенно много проблем возникает при исследовании вторично вскрытых ямных погребений. Погребальный инвентарь в них изначально невелик, а расшифровка стратиграфии заполнения в них вызывает гораздо больше затруднений, нежели в катакомбах. Примером может служить Нетайловский могильник, где, несмотря на сорокалетнюю историю раскопок, механизм разрушения скелетов и стратиграфия заполнения так и не получили пока однозначного толкования.

К настоящему времени, преимущественно по изданиям, нам удалось выявить в Восточной Европе, включая Северный Кавказ, целую серию раннесредневековых могильников, в которых та или иная часть погребений с большой степенью вероятности может быть отнесена к преднамеренно вскрывавшимся с обрядовыми целями, но лишь в редких случаях авторы смогли это явление опознать. Большим достижением надо признать уже то, что ряд авторов перестал разрушение скелетов объяснять исключительно ограблением.

Так, исследователи ломоватовского могильника Аверинский 1 отмечают: “Судя по всему, здесь мы имеем дело с намеренным разрушением могил еще в период функционирования могильника, но не с целью ограбления” (выделено нами – В.Ф.). И далее, не ограничиваясь констатацией, приводят аргументы: “Об этом свидетельствуют, во-первых, отсутствие следов грабительских вкопов, во-вторых, смещение в основном костей верхней половины туловища, в третьих, наличие погребального инвентаря” (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, с.38-39).

Мы не случайно привели эти выдержки из описания Аверинского 1 могильника. В связи с актуальной проблемой выделения могильников с обрядовыми разрушениями все острее проявляется другая - идентификация ограблений. Практика показывает, что достаточно тому или иному

* В более поздней публикации С.А.Плетнева наряду с “ритуально разрушенными” выделяет ограбленные (Плетнева С.А., 1989, с.189, 191). На наш взгляд, выделение на Дмитриевском могильнике ограблений нуждается в дополнительных обоснованиях. Пока же оно вызывает сомнение.

исследователю назвать погребение ограбленным (даже при наличии “вкопа”), как это становится окончательным определением, не вызывающим вопросов. Нам не довелось встретить в литературе альтернативы таким заключениям. Объявленные ограбленными такие погребения автоматически попадали в разряд неполноценных археологических источников, а при отсутствии вещей и вовсе исключались из дальнейшего изучения. Или, к примеру, как следует воспринимать такое сообщение о погребениях VII-VIII вв. могильника Такталачук в Поволжье: “Все они с и л ь н о р а з г р а б л е н ы (выделено нами - В.Ф.), но можно определить, что костяки в них ориентированы головой на север. При них орудия труда, оружие, украшения и сосуды кушнареновского облика” (Багаудинов Р.Н. и другие, 1971, с.147). Наличие в “сильно ограбленных” погребениях вещей настораживает. Безусловно, такие выводы нуждаются в проверке, в сравнении с информацией по другим однокультурным могильникам, в частности по составу и количеству вещей и по другим информативным линиям.

В ходе раскопок следует быть чрезвычайно осторожными в определении причин разрушенности погребений. В качестве положительного примера сошлёмся на заключение В.Е.Круглова по результатам раскопок погребения с разрушенным скелетом мужчины, сопровождавшегося значительным набором вещей (курган № 13 группы Барановка 1 Волгоградской области): “Потрясенная, очевидно, в древности... могильная яма...” (Круглов Е.В., 1992, с.178). Как мы видим, автор, с одной стороны, высказал очень осторожное суждение о времени повреждения могилы, а с другой, проявил столь же разумную осторожность в определении причины этого.

Наконец, мы обязаны упомянуть, кажется, первый случай, когда исследователь сам пересмотрел свои первоначальные выводы. Речь идет о праболгарских могильниках на Самарской Луке. “Автором (Г.И. Матвеева - В.Ф.) ... в отчетах об исследованиях Новинковского II и Рождественского III могильников отмечалось ограбление могил, однако, уже тогда было замечено отсутствие грабительских вкопов и наличие мощных неразобранных каменных кладок над многими погребениями, что исключало возможность ограблений. В настоящее время после тщательного изучения полевых дневников и чертежей стало ясно, что разрушение костяков в большинстве случаев не является результатом ограбления, оно совершалось в ритуальных целях и причем до сооружения кладки над могилой и курганной насыпи. Разрушение производилось не на стороне, а непосредственно в могиле после того, как кости освобождались от мягких тканей и связок” (Матвеева Г.И., 1997, с.53).

Открытие обряда обезвреживания погребенных делает необходимым новый подход к ограблению. Последнее требует такого же изучения, как и любой другой археологический источник. Необходима разработка классификации видов ограблений, выделение

их типичных признаков для каждой культуры и видов погребальных сооружений (ямы, катакомбы, могильники грунтовые и курганные и так далее). Среди признаков должны быть характеризующие способ проникновения в могилу, вид заполнения могилы до и после ограбления, состояние скелетов, состав вещей и многие другие.

Более сложной, но решаемой задачей станет определение времени ограбления хотя бы по периодам: непосредственно после похорон; спустя длительное время, но в древности; в новое или новейшее время.

Только после систематизации признаков ограбленности можно будет с достаточной степенью достоверности выявлять такие погребения, а главное, что нас в данном случае интересует, в первую очередь, отличать их от погребений с обрядом обезвреживания. По сути, речь идет о признании ограбления могил как исторического явления, которое могло быть связано как с меркантильными интересами, так и характеризовать враждебные отношения между родственными или разноэтничными группами населения.

Аргюи берёмся утверждать, что ограбления имели очень небольшое распространение. Это в первую очередь касается грунтовых могильников, которые имели недолговременные внешние признаки (в отличие от курганов), а также могильников культур, чьи погребения не содержали многочисленного инвентаря, дорогих или художественно выполненных вещей. Не следует забывать, что в древности и в средние века сдерживающим фактором был страх перед местью мертвых за ограбление их могил.

Есть еще одна проблема в изучении обряда обезвреживания - это методика раскопок погребений с нарушенными скелетами. Вновь хотим обратить внимание на необходимость раскопок таких захоронений особо тщательно, с соблюдением всех предосторожностей. До зачерчивания и фотографирования ни одна кость, вплоть до фаланг, и вещи не должны сдвигаться или менять положение. Предельно полной должна быть графическая документация. Чертежи скелетов должны выполняться в предельно крупном масштабе, но не менее 1 : 4 или 1 : 5. Кости, которые трудно изобразить узнаваемо, необходимо подписывать, в том числе обломки. Обязателен подсчет по видам всех наличных костей. Особо на чертежах помечаются зоны деятельности грызунов и любые естественные нарушения. Столь же тщательно должны исследоваться и погребения с явными следами ограбления.

К сожалению, в археологии нет понятия равного такому как “чистота эксперимента” или “допустимая погрешность”. Однако надо иметь в виду, что первым условием для определения конкретного погребения как обезвреженного или как ограбленного, следует считать “чистоту раскопок”. Все сказанное кажется очевидным и не требующим дополнительных призывов, однако, полевая археологическая практика свидетельствует о совершенно ином. Затрагивать эту проблему нас заставляет прежде всего опыт собственных ошибок.

Мы говорили о проблеме выявления в ходе раскопок захоронений, нарушенных при обрядовых действи-

ях. Оpozнание их в процессе самих раскопок или при изучении полевой документации, накопление опыта в этом - одна из важнейших задач на ближайшее будущее. В конечном итоге предстоит накопление фактического материала. Но с неизбежностью тут же возникает вторая проблема, производная от первой, - толкование целей и содержание археологически засвидетельствованного обряда.

В значительной мере решение этой задачи уже выходит за рамки "чистой" археологии, поскольку допускает и даже требует поиска и привлечения не только археологических, но и других источников, которые способствовали бы ее решению: этнографических, фольклорных, исторических и всех прочих, содержащих полезную в этом отношении информацию.

Толкование обряда - наиболее уязвимая часть в каждом археологическом исследовании. К сожалению, оно дает большие возможности для подчас недоброжелательной критики, в основе которой лежит инерция мышления.

Необходимо подчеркнуть, что наш собственный вывод о существовании обряда и после завершения обработки всех данных по Маяцкому могильнику, а затем и по могильнику Клин-Яр III на Северном Кавказе не изменился, хотя все еще вызывает сомнения у многих коллег: к разрушению скелетов толкал глубоко укоренившийся в сознании людей страх перед ушедшими в потусторонний мир. По этой теме существует многочисленная литература по всем областям ойкумены. В России она наиболее полно отражена в этнографических исследованиях о шаманистах азиатской части страны. Так, у бурят "существовало мнение, что умершие становились чуждыми живым, враждебными, поэтому после погребения покойного принимались различные меры, якобы для того, чтобы не допустить возвращения к живым" (Галданова Г.Р., 1987, с.61). Та же этнография показывает, что страх перед покойником заставлял принимать меры предосторожности сразу после смерти и до похорон. Достаточно вспомнить хотя бы практиковавшийся многими народами вынос тела через полог яранги, чума или юрты, чтобы умерший не возвратился через вход, или же заматывание следов за участниками похоронной процессии, чтобы погребаемый не нашел обратную дорогу в селение. Археология не фиксирует допохоронные меры предосторожности, но в раннем средневековье их не могло не быть. Цепочка таких мер формировалась в течение жизни многих поколений и как логическое ее завершение стала приниматься наиболее действенной, которая была призвана нейтрализовать сам источник опасности - покойника - путем непосредственного физического воздействия на него.

Комплекс воздействия на тело умершего или на его останки сложился не сразу. Вероятно, на определенной стадии возникает представление о том, что, если превентивные меры не достигли цели, если несмотря на связывание ног, умерший все же выходил из могилы и беспокоил живущих, то необходимо вскрыть могилу и

поступить более решительно.

Предполагаем, что меры против остатков тела складывались по нарастающей.

На первом этапе могли ограничиваться только разрушением стоп, чтобы погребенный не выходил из могилы.

На втором этапе начали разрушать и кисти рук, тем самым лишая его возможности действовать, прежде всего, какими-либо опасными предметами.

Далее наступал переход к разрушению основы жизнедеятельности - сердца и дыхания - разрушалась грудная клетка. Вероятно, в это же время начинается практика отделения от тела (скелета) головы (череп).

Наконец, останки наиболее вредоносных покойников начинают разрушать полностью. В особых случаях, когда существовало опасение, что разрушенное тело восстановится, прибегали к последней мере: часть костей выносили из могилы и перезахоранивали, то есть прятали, в другом месте. При раскопках действительно встречаются могилы с неполным составом костей. Зафиксированы погребения без черепов или захоронения черепов вне могил.

Надеюсь, излишне будет пояснять, что предложенную схему и надо расценивать не более, как схему. Археологически засвидетельствованы различные виды разрушений, но как шел процесс формирования этого обряда в действительности, установить только по археологическим данным будет трудно. Некоторые возможности для определения времени появления разных видов разрушений все же имеются. Это уточнение хронологии могильников в целом и отдельных погребений внутри их.

Следует, однако, учитывать то важное обстоятельство, что разрушение у разных племен даже внутри одной этнической общности имело разные формы и степень распространенности. Например, если в Нетайловском могильнике скелеты разрушались полностью (Иченская О.В., 1981), то ни в одном синхронном ямном могильнике Первого Болгарского царства далее разрушения стоп дело не пошло.

Что касается степени разрушения каждого отдельного погребения на конкретном могильнике, то она во многом зависела от субъективных факторов. Более чем вероятно, последнее заключение о степени вредоносности погребенного делалось после вскрытия могилы по состоянию и виду костей (то же делали и афонские монахи, но в других целях). В средние века, возможно, по костям, их положению пытались определить, выходил ли умерший из могилы.

Итак, мы придерживаемся прежнего своего определения: разрушенные скелеты есть результат обряда обезвреживания. Трудно истолковать разрушение останков в иных целях. Во всяком случае, для этого пока нет ни археологических, ни этнографических данных по тюрко/ираноязычным или славянским народам*.

Как преднамеренно разрушенные в целях обезвреживания или без уточнения цели аналогичные по-

гребения рассматривались многими ушедшими и ныне работающими археологами (Д.Т.Березовец, Л.Н.Гумилев, В.Н.Каминский, И.А.Баранов, О.В.Иченская-Пархоменко, В.А.Кананин, Г.И.Матвеева, С.А.Плетнева, Д.А.Сташенков). В последнее время к ним присоединился украинский археолог В.В.Колода, который сообщает, что из 10 раскопанных в 1996 году катакомб IV Верхне-Салтовского могильника лишь в одной скелеты находились в анатомически правильном положении (из письма автору от 05.09.1996 г.).

Исключительно как обезвреживание этот обряд рассматривается археологами Болгарии (Дм.Димитров, Ж.Въжарова, Ж.Аладжов, К.Маламед).

Дм.Димитров писал: "Праболгары боялись, что при известных условиях душа умершего может превратиться в злого духа (вампир, вурдалак и др.). Из-за этого часто принимались меры, благодаря которым их "обезвреживали". Чтобы изолировать дух умершего и не позволить ему выйти из могилы и вредить живым, над могилами ставили большие камни, представлявшие своеобразные крыши. Против мертвецов, считавшихся особенно опасными, принимали специальные меры для обезвреживания - связывали конечности, отрезали стопы, над жизненно важными частями тела и органами (голова, область сердца, ноги) клали большие камни и так далее. Иногда, если оставалось сомнение, что вопреки принятым мерам мертвец все-таки превратится в злого духа, могилу разрывали и уничтожали некоторые важные части тела - голову, сердце" (перевод наш - В.Ф.; Димитров Дм., 1983, с.43). Позволим некоторое уточнение - праболгары боялись не духа, а непосредственно самого мертвеца.

Тема вредности умерших и принимаемых против нее мер давно и хорошо разработана болгарскими этнографами. Вплоть до XIX века включительно в Болгарии практиковали вбивание иглы, ножа или колючки в ноги, желудок или сердце трупа, рассечение ножом пяток. В 1754 году монах Николо Тулгези сообщает о "варварском обычае" вынимать у мертвецов сердце (Вакарелски Х., 1990, с.85, 86). Содержание перечисленных действий понятно: умерших лишали возможности ожить, выйти из могилы.

Не в меньшей степени те же заботы давели и над другими общностями славян. Позволим несколько пространных цитат из небольшой публикации Л.Н.Виноградовой с характерным заголовком "Чтобы покойник не ходил":

- "По данным славянской традиции, к категориям опасных покойников, которые приходят к живым после своей смерти, относятся умершие "до срока", насильственной, преждевременной смертью, самоубийцы, некрещёные дети, колдуньи и ведьмы, а так

же те, кто не разорвал окончательно связь с живыми (умершие роженицы...), ... люди, не изжившие полного века на земле, остаются и после смерти активной вредоносной силой, вторгаются в мир живых. Чтобы предотвратить "хождение" таких покойников, их хоронили со связанными ногами или босиком (белор.); подрезали сухожилия под коленями (карпат.) ..."

- "Ещё более решительные меры предпринимались в тех случаях, если в селе стало известно, что покойник все-таки "приходил". Чтобы избавиться от вредоносных визитов (способных вызвать несчастья, эпидемии, мор скота, стихийные бедствия), славяне, об этом свидетельствуют исторические источники и этнографические данные, ВЫКАПЫВАЛИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО УМЕРШЕГО, КАЛЕЧИЛИ ТРУП, ОТСЕКАЯ КОНЕЧНОСТИ ИЛИ ГОЛОВУ; ОТСЕЧЕННУЮ ГОЛОВУ РАЗМЕЩАЛИ В ГРОБУ МЕЖДУ НОГ ... ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ ТЕЛО ЛИЦОМ ВНИЗ ... - Подобного типа факты фиксировались и в южнославянской традиции: ВЫКАПЫВАЛИ УМЕРШЕГО, ПРОВЕРЯЛИ ЕГО ПОЗУ В ГРОБУ, при малейшем подозрении на вампирические признаки ОТСЕКАЛИ ГОЛОВУ ..." (выделено нами - В.Ф.) (Виноградова Л.Н., 1993).

Приведенные данные не требуют комментариев. Посмотрим, однако, на них с археологической точки зрения. Во-первых, вскрытие могил вело к нарушению первоначальной стратиграфии заполнения. Во-вторых, скелеты в них будут иметь признаки разрушений или неестественное положение; перемещены черепа. И, наконец, в случае полного археологического обследования таких кладбищ, часть могил окажется без признаков нарушения стратиграфии и скелетов - могилы неопасных умерших, другая часть такие признаки будет иметь. Не эту ли картину мы имеем на многих раннесредневековых могильниках Восточной Европы?

Примеры действий против опасных мертвецов, как собранные Х.Вакарельским и Л.Н.Виноградовой, так и аналогичные у славянских (Мороз Й., 1989, с.128) и других народов, отличает прямота в направленности, ясность мотивировки и целей и, главное, безоговорочная, бесхитростная и наивная убежденность в их эффективности. Х.Вакарельски специально обращает внимание на недопустимость надуманных толкований таких обрядов: "Научные интерпретации всех средств против вампиризации погребенного мертвеца очень часто чрезвычайно далеки от убедительности. Во многих случаях толкователи не учитывают ("не уважают") народные мотивировки, которые очень непосредственны и ясны, исходят из реальных качеств предметов и средств вообще" (Вакарелски Х., 1990, с.88).

Однако цели обряда могли маскироваться, а мотивировка со временем трансформироваться, но при этом

* Этнография ряда народов, в частности африканских, знает кражу из могил отдельных костей для использования в магических целях, но при этом сам скелет не разрушали. Надеемся понятно, что это иные обряды, иная тема исследований.

изначальная сущность оставалась достаточно ясной. Приведу только один пример, теперь непосредственно из эпохи Хазарского каганата, в котором действия по обезвреживанию скрыты под оболочкой героизации и изложены на этот раз в художественной форме. Персонаж исландской саги Греттир проникает в курган знатного соплеменника, борется с ним в кургане, убивает его. Затем “отрубает голову и прикладывает ее к ляжкам”, а, покидая курган, забирает драгоценности и оружие из погребения. Показательно, что действия Греттира не вызвали осуждения у сына погребенного. Греттир действовал в соответствии с бытовавшими в обществе нормами. Отрубается голова и прикладывается к ляжкам и у другого героя саги - Глама (Сага о Греттире, 1976, с.31, 32, 63). Обратим внимание на следующее: 1) герой вскрывает могилу соплеменника, 2) убивает умершего, но продолжает жить в потустороннем мире, точнее прямо в кургане, 3) последняя мера - отделение головы. Интересная деталь, отмеченная у славян: помещение отрубленной головы между ног. Смысл этого не совсем ясен, тем более, что то же самое мы обнаружили и в раннеаланском могильнике Клин-Яр III в г.Кисловодске.

Для Хазарии и Алании нет письменных данных, аналогичных приведенным. И все же имеется косвенное свидетельство, на которое, правда по другому поводу, обратил внимание М.И.Артамонов. “Сохранился рассказ об одном судебном деле, решенном самим царем (Хазарии - В.Ф.). Спор возник из-за наследства, захваченного приемным сыном умершего в то время, когда его родной сын находился в отлучке ... Вернувшись после смерти отца, сын заявил претензию на наследство. Спор был разрешен следующим образом: царь приказал вырыть кости умершего и пролить на них кровь каждого из претендентов на наследство. Кровь приемыша ... стекла с костей мертвеца, а кровь родного сына впиталась в них” (Артамонов М.И., 1962, с.411, 412; Караулов Н.А., 1908, с.109, 110). Безусловно, к обряду обезвреживания этот рассказ отношения не имеет, но он содержит важную информацию для понимания эпохи. Во-первых, устанавливается сам факт возможности вскрытия при необходимости могилы родственника, предка. Во-вторых, умерший, лишенный телесного покрова, рассматривается как вполне жизнедеятельный, способный ответить на вопросы живущих. В-третьих, сама процедура обращения к костям с целью получения ответа показывает, что она была обыденным явлением.

Сюжет этого эпизода - сказочный, кочующий из культуры в культуру - подчеркивание мудрости царя, но бытовая его основа вполне реалистична. Надо полагать, обращение к останкам предков, но уже без вскрытия могилы, было в трудных и особых случаях не только обычным, но и необходимым актом. Впрочем, это давно отмечено этнографами. Вот только один пример, характеризующий устойчивость этого явления, но с воплощением в иной форме. Данный

пример из совершенно позднего общества. В среде кубанского казачества XIX - начала XX вв., украинцев по происхождению, невеста, прежде чем позвать на свадьбу родственников и знакомых, шла на кладбище и приглашала умершую родню (Лавров Л.И., 1978, с.84). Обращает на себя внимание то, что приглашение происходит не через молитву дома или в храме, не иным символическим образом, но через непосредственное обращение к самим умершим родственникам, а по существу к их костям, которые, подразумевалось, приглашение слышат, могут его принять, отклонить, а то и не одобрить принятое невестой решение. Мало того, в языческой славянской среде, в древности, невеста приходила на кладбище, можно быть уверенным, в первую очередь, для получения разрешения на брак.

Примеров, аналогичных сюжетам с хазарским царем и кубанской казачкой, множество, но во всех будет одно существенное и повторяющееся из века в век: в критической, экстраординарной ситуации требовалось не мысленное, молитвенное, как собственное, так и через шамана или жреца, обращение к предкам, а непосредственное с ними общение. И древние, конечно, понимали, что вступали в контакт не с живыми телами, а костями.

На первый взгляд может показаться, что приведенные примеры неудачны, что уважительное отношение к погребенным противоречит тезису о стремлении к разрушению их останков. Отнюдь нет. Наоборот, они указывают на возможность умерших влиять на судьбы живущих и проясняют то, что на большинстве могильников раннего средневековья разрушали не всех умерших, а чаще даже меньшинство.

Собственно, боялись всегда всех умерших, и добрых, и вредоносных, но: 1) в одних сообществах полностью господствовал страх перед умершими, он принимал гипертрофированные формы - разрушение всех или почти всех погребенных; 2) в других подход был более реалистичен - опасались и соответственно разрушали только вредоносных; 3) там, где превалировало поклонение предкам, их боялись, но одновременно надеялись на их помощь. И все же, при любом отношении к умершим, страх перед ними сохраняется всегда. Как атавизм он безотчетно бытует и в наше время в самых “цивилизованных” социальных системах.

Работая на широком археологическом, историческом и этнографическом материале Азии, Африки, Океании, Сибири, израильский ученый Ариель Голан пришел к следующему: “Обряды (погребальные - В.Ф.) свидетельствуют, что страх перед умершим был сильнее любви к нему. Тем более, что любили покойного ближайшие родичи, а погребальные обычаи вырабатывались не по их воле, но по воле остальных членов общины” (Голан А., 1993, с.46).

Вывод А.Голана чрезвычайно важен для понимания ситуации на могильниках, в которых разрушены все или большинство погребенных. Действительно, не могли же почти все члены той же Маяцкой общины быть

при жизни носителями исключительно отрицательных качеств. Дело, видимо, в том, что коллективы, которые вступили на путь разрушения отдельных погребенных, могли в конечном итоге прийти к требованиям ко всем своим членам разрушать останки родственников независимо от их желания и оценок. Постепенно обезвреживание погребенных становится общественной нормой, обязательным ритуалом.

“Все известные погребальные обряды древности свидетельствуют о страхе перед умершим, о желании, чтобы он не вернулся к живым, чтобы не воскрес” (Голан А., 1993, с.45). Отсюда логически вытекает комплекс мер, предотвращающих возвращение, и как итог - переход к разрушению их останков, как самой действенной мере.

Что касается вопроса, почему в отдельных общинах погребенных не разрушали совсем, в других разрушали отдельных, а в третьих - всех, то ответ на него может быть получен только в ходе решения более широкой и емкой проблемы о различиях в погребальной обрядности в рамках одной даже моноэтнической культуры. В целом же ясно, что для унификации погребальной обрядности, требуется унификация культуры и религиозных воззрений в рамках одного объединения (племени, государства). Ни в Хазарии, ни в Алании, ни в других раннесредневековых восточноевропейских сообществах такой уровень не был достигнут. Нельзя не согласиться с Л.И.Лавровым: “... древние народные представления и обряды варьировали не только у родственных племен, но даже внутри одной и той же общины. Это происходило потому, что древний человек, не имея письменности, руководствовался не точно фиксированными догматами “священного писания”, а указаниями авторитетных лиц, которые у разных групп населения бывали разными. Очевидно, в этом секрет частого присутствия в синхронных захоронениях одного и того же могильника разных обрядов погребения” (Лавров Л.И., 1982, с.31).

Вновь обращаясь к христианству в качестве сравнительной параллели, напомним, что даже при наличии кодифицированных норм и большого Предания, оно имеет неисчислимое множество течений, церквей, сект. Наконец, что для нас особенно важно, христианская обрядность буквально пронизана элементами язычества. Понятно, что ожидать единообразия в языческой обрядности, в том числе погребальной, не только нельзя, но методически неоправданно. Мало того, язычество предполагает разнообразие в обрядности вплоть до границ одного поселения.

Что касается обществ, практиковавших обряд обезвреживания погребенных, то они являют пример мировоззрения, далекого от какого-либо уровня абстрактного мышления. Мало того, они не были даже готовы к восприятию более сложных мировоззрений извне. В Хазарии так и не получил распространения иудаизм. На Северном Кавказе в течение столетий христианство и ислам то пускали корни, то уступали место язычеству.

Обряд обезвреживания погребенных, как элемент мировоззрения, тяготеет к первобытным верованиям, отличающимся известным прагматизмом: за ритуальным действием ожидается вполне конкретный, видимый и осязаемый результат. Если христианин ограждает себя символическим крестным знаменем, то есть уповает на помощь невидимого Бога, то язычник действовал конкретнее и напрямую: если он замечал появление умершего или ощущал его вредящие действия, то не уповал на высшие силы, действовал против умершего, как против любого реального противника, калечил или убивал его. Ставя так вопрос, мы отнюдь не утрируем. Вернемся к Афону.

Если для высококультурного православного Б.Зайцева вскрытие афонскими монахами могил единоверцев и определение их прижизненных свойств, а по сути - посмертной судьбы, показалось чем-то необычным, то для самих афонских насельников это было просто необходимо делать и делалось систематически. Естественно, без всякого осознания того, что воспроизводятся действия глубокой языческой древности. Вот некоторые сведения, собранные иеромонахом Антонием.

Об о. Григории, болгарине, умер в 1839: “По смерти его, через 3 года откопали его кости, которые оказались желты как воск. По вере афонцев это означает, что монах получил милость от Господа” (Антоний, иеромонах, 1994, с.13).

Об о. Арсени, русский, умер в 1846 г.: “Через три года [после смерти], по афонскому обычаю, откопали его кости, они оказались желты как воск и испускали благоухание” (Антоний..., 1994, с.30).

О послушнике Иакове, болгарине, XIX век: “Через три года [после смерти] откопали его кости. От них исходило дивное благоухание, а голова была полна мира. Многие, не зная его жизни, дивились...” (там же). Этот эпизод интересен тем, что о личности умершего судили по костям, даже “не зная его жизни”.

Об ученике старца Феодосия, болгарине, XIX век: “После смерти кости его благоухали” (Антоний..., 1994, с.172). То есть и здесь имело место вскрытие могилы.

Приведенные свидетельства имеют довольно устойчивую формулу. Может показаться, что, кроме положительного результата, ничего другого не ожидалось. Однако это не так. Действительно, зачем тогда надо было вскрывать могилы. Были случаи, когда вскрытые кости отнюдь не были прозрачными, что свидетельствовало о несправедливой жизни.

Интересно, что сам будучи афонцем, иеромонах Антоний (умер в 1991 г.) для характеристики афонского общества прибегает к запискам Б.Зайцева (!) и приводит следующую цитату: “Афон очень уединен и мало занят внешним... Афонцы мало знают о пестрых делах мира и судят о них не всегда удачно... Они, сравнительно, не много занимаются наукой, философией, богословием” (Антоний..., 1994, с.3).

Sic! Антоний не только приводит эту характеристику, но, по сути, полностью соглашается с нею. Так два

далеких от археологии и этнографии деятеля без всяких научных намерений, невольно и неосознанно связывали изолированность, неразвитость научных и даже богословских интересов с сохранением древнейшего языческого ритуала. Мы не имели возможности проследить его истоки, но это и не по нашей специальности. Уверены, впрочем, что искать их надо в раннем средневековье, и не исключено, что они связаны с появлением на Афоне первых болгарских монахов.

Нельзя не отметить, что этот обычай выкапывания костей сохранился на Балканах вплоть до XIX в., в том числе и в самой Болгарии, естественно, наполненный под влиянием христианства иным содержанием, аналогичным афонскому. Приведу несколько цитат из труда, который для некоторых читателей может быть недоступен.

“Три года спустя после погребения, кости усопших выкапывают из земли, перемалывают (здесь и далее разрядка наша - В.Ф.), складывают в полотняный мешочек, приносят в церковь и кладут перед епископским треном, который существует здесь даже в самых маленьких деревенских церквях. Священники благословляют кости и их погребают снова”.

“Об искоренении суеверий духовенство ни мало не заботится; впрочем, по своему невежеству оно и не может этого сделать. Суеверия крепко живут в народе и вследствие изобилия невежественных монахов в Болгарии”.

“Самый замечательный из болгарских монастырей - Рильский. В нем существует, между прочим, часовня, где можно видеть множество черепов на алтаре. Положить череп на алтарь - значит оказать большую почесть усопшему, за что родственники охотно платят. В Рильском монастыре, как и в других болгарских монастырях, умерших нередко выкапывают для того, чтобы судить по состоянию их тела, в раю или в аду их души” (Водовозова Е.Н., 1888, с.115, 116). Здесь мы имеем еще один яркий пример вращающегося языческого обряда в христианство.

Насколько нам известно, у прочих народов севера Балкан - сербов, хорватов, черногорцев и других - могилы не вскрывались. Это дает основание уверенно предполагать, что истоки сохранившегося на Афоне и в самой Болгарии обычая определения судьбы погребенных по состоянию костей с последующим их захоронением, перемалыванием, отделением черепов уходят в глубокую древность, в эпоху Первого Болгарского царства, на некрополях которого обычай обезвреживания погребенных отмечен многократно.

Важно подчеркнуть, что в столь отдаленном от раннего средневековья обществе, в данном случае болгарском, мировоззренческий примитивизм нашел отражение в консервации древней погребальной обрядности.

Вообще, при изучении как обряда обезвреживания погребенных, так и других археологически улавливаемых обрядов и верований восточноевропейского средневековья, постоянно надо иметь ввиду чрезвы-

чайную архаику не только мировоззрения, но и нравов, и психологии. Чего стоит хотя бы тот факт, что сто с лишним лет спустя после возникновения Первого Болгарского царства, царь Крум приказал сделать из черепа побежденного императора Никифора чашу для победного пира (811 г.), а через два года, после очередной победы, совершил перед воротами Константинополя жертвоприношение из людей и крупного рогатого скота (813 г.). Происходило это не в глухих степях. Обряд производил правитель, который уже не в первом поколении был хорошо знаком с достаточно цивилизованным по тому времени Византийским государством. До принятия Болгарией христианства оставалось уже менее полувека. Даже при жестокости нравов в самой Византии Феофан всё же нашел необходимым отметить эти факты, как явно поразившие византийцев своим варварством.

* * *

Ещё немного по проблеме обряда проникновения в могилы. Свою трактовку предложил Н.Ю.Кузьмин: проникновение с целью изъятия вещей и возвращения их представителям рода или семьи (Кузьмин Н.Ю., 1991, с.148). Косвенное подтверждение этому автор предлагает видеть в уже упоминавшейся “Саге о Греттире”. По его мнению, возвращенные из загробного мира вещи обретали некоторые магические свойства, становились амулетами. Этого исключить нельзя, однако, первоначальный смысл в возвращении вещей был, на наш взгляд, иным и более простым: принесённые из кургана вещи погребённого служили доказательством того, что погребённый “побеждён”, “убит”, обезврежен и его можно не опасаться. К эпохе саг обряд обезвреживания, его первоначальный смысл стали забываться. Первоначальное содержание обряда подверглось значительному переосмыслению, постепенно исчезло под поздними напластованиями. К тому же, мы имеем дело не с документом, а сагой. Не стоит приписывать героям саги то, над чем они явно не задумывались. Один из них ценит возвращенные вещи совсем не за их новые магические свойства. Подход к ним более чем прозаичен и откровенен в своей прямоте: “мало проку от сокровищ, если закопать их в землю или положить в курган”! Почему-то Н.Ю.Кузьмин не обратил внимание на это содержавшееся в саге объяснение, хотя и процитировал данный пассаж. Необходимо отметить, что у Н.Ю.Кузьмина приводятся и другие наблюдения, с которыми мы должны согласиться.

И всё же. На начальной стадии изучения вскрытых погребений (а именно на этой стадии мы и находимся) необходимо рассматривать любые предположения и гипотезы. Со временем произойдёт отбор наиболее аргументированных, перспективных для дальнейшей разработки. Пожалуй, обязательным условием для этого должен быть минимальный отрыв от археологических данных. Уместно будет отметить и то, что для многих археологических культур мы располагаем ещё слишком ограниченной базой источников. Во многих регионах раскопаны десятки, в лучшем случае сотни погребений. В

научный оборот введено и того меньше (вопрос о качестве публикаций, не всегда зависящем от авторов, оставим в стороне). Достаточно указать, что при уже вековой известности катакомбных могильников Хазарии, монографически опубликованы всего лишь два (!) - Дмитриевский и Маяцкий. И это при том, что в одном только Салтовском могильнике прогнозируется несколько десятков тысяч погребений (Федоровский А., 1912, с.3). Немногим лучше положение со средневековыми могильниками Северного Кавказа.

Разумеется, с публикацией уже раскопанных могильников и исследованием новых баз данных признаков для трактовки обряда будет постоянно расширяться.

* * *

Нельзя не коснуться более принципиального вопроса, нежели трактовка археологически прослеживаемых следов конкретного обряда: каковы вообще возможности археологии в реконструкции древних верований? Реально ли ставить перед нею такую задачу? Полагаю, однозначного ответа для всех культур и времён быть не может. Тем не менее, можно встретить весьма обобщённые пессимистические прогнозы. В качестве примера приведём высказывания только одного автора: "Вследствие неполноты археологических источников реконструкция взаимосвязанной системы религиозных представлений принципиально невозможна. Мы реконструируем не систему, а фрагменты... Реконструируемые образы по самой природе наших методических и источниковедческих возможностей должны быть в большей или меньшей степени расплывчатыми и неопределёнными" (Колпаков Е.М., 1987, с.33, 34).

Попробуем прокомментировать данную точку зрения с несколько иных позиций. Во-первых, о неполноте археологических источников, к которой можно добавить отсутствие или неполноту сопутствующих письменных источников. Но таков объект археологии как науки, другого нет. Собственно задача археологии и состоит в преодолении этой неполноты путём расширения методических и источниковедческих возможностей. "Возможности" постоянно увеличиваются путём накопления новых источников с ранее неизвестными признаками, с одной стороны. С другой, расширяется инструментарий исследований, что в настоящее время выражается в создании новых методик обработки археологического материала. Далее следует сказать о крайне больном вопросе - громадная потеря информации в ходе небрежных раскопок.

Должны ли быть реконструируемые образы расплывчатыми и неопределёнными? Неверна постановка вопроса. Нельзя ставить его "вообще", не соотнося с конкретными эпохами и культурами. Вся практика археологии стоит на том, что любые реконструкции, степень их достоверности и полноты всегда зависят от состава и полноты материальных остатков конкретного памятника. Отсюда степень "расплывчатос-

ти и неопределённости" будет зависеть от конкретного состава и сохранности археологических источников, качества раскопок и полноты полевой документации, от применяемых методик. О "полноте" можно говорить только в отношении живого общества, но даже в этом случае существуют психологические барьеры восприятия явлений со стороны члена изучаемого общества и исследователя, наблюдающего это общество извне (не будем забираясь в далекие этнографические экскурсы, но напомним о многочисленных характерных примерах, когда туземцы Австралии и Африки не могли столкнуться с этнографами в отношении понятия "бог").

Что касается аланского и болгаро-хазарского наследия, то возможности для реконструкций верований, на наш взгляд, достаточно широки. Имеется неучтённое разнообразие могильных сооружений. Разнообразен, особенно в катакомбных могильниках, погребальный инвентарь. Представлено различное половозрастное сочетание погребённых. Известны так называемые тризны, захоронения животных. Захоронения животных и людей есть на многих поселениях в жилищах и хозяйственных ямах. Наконец, стали выявляться и храмовые сооружения. Такие давно известны в болгарских столицах Плиске и Преславе. Теперь они открыты на Маяцком поселении (Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991, с.118), Хумаринском городище (Биджиев Х.Х., 1983, с.45-48). Это перечисление можно продолжать ещё по десяткам направлений.

Что особенно важно, мы имеем благодаря раскопкам поселений достаточно полное представление об изучаемых сообществах в целом, что базируется на знании домостроительства, орудий труда, отраслей хозяйства, оружия, крепостного строительства и многого другого.

Наконец, религиозные представления и некоторые обряды как в раннесредневековой Юго-Восточной Европе, так и в сопредельных странах (что немало важно), отражены в письменных источниках.

Всё это вместе взятое позволяет составить представление о верованиях интересующих нас регионов и, акцентируем внимание, положительно ответить на вопрос: возможно ли было в принципе существование здесь обряда обезвреживания погребённых.

Безусловно, при исследовании верований, даже при такой полноте источников, которыми мы располагаем по культурам Хазарии, Алании, Первого Болгарского царства, наши представления о них всегда будут иметь какую-то степень неопределённости, даже с учетом постоянного количественного роста этих источников. В этом мы отчасти должны согласиться с Е.М.Колпаковым. Однако подходить к возможностям археологии и оценивать её как науку следует с точки зрения того, что она смогла и что может дать в изучении древних обществ, а не по тому, чего она в принципе дать не в состоянии.

* * *

Суммируя предложенный очень краткий обзор, можно выделить следующие основные проблемы, а соответственно и задачи исследования могильников с обрядом обезвреживания погребенных.

1. Первая проблема может быть обозначена как источниковедческая. Имеется в виду целенаправленный поиск и выделение среди совокупности исследуемых погребений тех, которые бесспорно имеют следы этого обряда. Это связано, в первую очередь, с совершенствованием методики раскопок с одной стороны и предельной тщательностью и добросовестностью в фиксации их результатов, с другой. Внимание должно обращаться на стратиграфию заполнения, фрагменты керамики и другие малозаметные и только на первый взгляд малозначимые признаки.

Особая тема раскопок - скелет. При изучении обряда обезвреживания имеет значение положение буквально каждой кости, вплоть до мельчайших. Необходимо не только ювелирная расчистка костей. Должен быть прослежен весь процесс разрушения скелета, вся очередность в перемещении костей.

2. Проблема вторая, также источниковедческая. Путем не менее тщательных раскопок выделить погребения, ограбленные в прямом смысле этого понятия. Следствием этого станет умение дифференцировать погребения со следами обрядовых действий и действительно ограбленные. Проблема эта назрела, чему служит подтверждением появление, в частности, публикации с симптоматичным заголовком "Ограбление или обряд?". Указывая на столь часто встречаемый приговор - могила ограблена, автор справедливо замечает: "Этой фразой сразу же снижается археологическая значимость объекта, степень доверия к источнику и, вследствие этого его информативность, ... вне поля зрения исследователей остается ценнейший материал, который при определенном подходе дополняет научные выводы, основанные на изучении не ограбленных погребений, а в отдельных случаях даёт принципиально новую информацию" (Кузьмин Н.Ю., 1991, с.146, 147). Сегодня в эту фразу необходимо внести коррективу. Речь идет не об отдельных случаях, но о тысячах и тысячах погребений, за которыми скрывается принципиально новый пласт источников и колоссальная информация, о которой мы до недавнего времени даже не подозревали.

3. Самая сложная проблема - истолкование источника, в нашем случае - нарушенных погребений. Базируясь на данных, полученных на исследовавшихся нами могильниках Маяцкий и Клин-Яр III (г.Кисловодск), мы рассматриваем обряды этих памятников, как и могильников с аналогичными признаками, как обряды по обезвреживанию погребенных. Такому выводу соответствует не только громадная совокупность этнографических материалов, но и независимо друг от друга сделанные археологами заключения в ходе раскопок разных памятников Восточной и Центральной Европы

раннего средневековья. Что касается могильника Клин-Яр III, то на нём обезвреживание фиксируется с I века н.э.

* * *

Обряд обезвреживания погребенных до настоящего времени рассматривался исключительно как отражение религиозного мировоззрения. Позволим себе поделиться некоторыми нашими наблюдениями о связи данного обряда с совершенно иной проблемой - оседания кочевников, седентаризации. Собранные нами материалы по раннесредневековым культурам от Волго-Камья до Болгарии и Венгрии, от Среднего Дона до Северного Кавказа, приводят к выводу о том, что обезвреживание путем проникновения в могилы получило распространение преимущественно у оседлого населения. В предшествующий период такая связь между оседлостью и обрядом обезвреживания погребенных хорошо устанавливается на материалах оседлых племён черняховской культуры (Сымонович Э.А., 1963; 1967а; 1967б).

Если мы имеем дело с недавними кочевниками, ранее практиковавшими подкурганый обряд погребения, то с оседанием они переходят, как правило, к так называемым грунтовым могилам, с которыми и связано широкое распространение обезвреживания погребенных. Этот вывод мы делали преимущественно на материалах Хазарии, Первого Болгарского Царства, Северного Кавказа. Теперь он получает новое подтверждение в материалах могильников ранних болгар Самарской Луки. Здесь прекрасно прослеживается процесс перехода от курганных к бескурганым захоронениям, причем обезвреживание получает широкое распространение ещё в курганных могильниках, но уже явно оседавшего праболгарского объединения (Матвеева Г.И., 1997).

Естественно предположить, что само представление об опасности умерших существовало и на стадии кочевания, но с оседанием меры против погребенных начинают принимать более действенные.

Вероятно, объяснение можно видеть в следующем. Кочевник менее "общался" со своими погребенными. На большую или значительную часть года он отдалялся от них в ходе сезонных перекочёвок. Умершие за ним не кочуют - они привязаны к местам захоронения, к могилам, то есть местам "обитания". Курганные захоронения не обязательно концентрируются в большие кладбища. У кочевников единичные курганы могут быть рассеяны по всей степи. Часто кочевники вообще совершают отдельные захоронения в чужих курганах. Кстати, наивно полагать, что они всегда принимали их за курганы своих далеких предков. Вероятно, дело обстояло гораздо проще: небольшой кочующий коллектив просто не всегда имел силы и возможности для сооружения подобающего кургана, особенно в военное время. Главное же, стада требовали постоянных переходов на новые пастбища.

Наконец, кочевники были склонны в силу разных причин к полной смене мест обитания, переселяясь за

сотни и тысячи километров. Могилы соплеменников при этом покидались навсегда.

С переходом к оседлости всё менялось. Теперь умершие постоянно находились рядом с живыми и могли "посещать" их в любое время. Чем более разрасталось поселение, тем больше скапливалось около него погребенных. Небезынтересно отметить, что согласно болгарским верованиям "души ... ходят группами, сдружившимися на том свете" (Вакарелски Х., 1990, с.39). Понятно, что такие групповые "явления" были еще более неприятны, нежели одиночные. Кроме прочего, жить на поселении приходилось рядом не только со своими покойниками, но и с чужими, которых было много больше. Вот эта непрерывно возрастающая угроза и заставляла принимать разнообразные, в конечном итоге ставшие превентивными, меры против умерших. Каждая

семья защищалась от своих опасных умерших, а все поселение защищалось в совокупности от всех. Вступали в силу коллективное мнение и общие интересы.

Предположение о связи обряда обезвреживания к оседлостью, конечно, нуждается в проверке на массовом материале. Во всяком случае, наши выборочные наблюдения по курганным погребениям поздних кочевников восточноевропейских степей его подтверждают. Вряд ли глубина их мировоззренческих идей (половцев, например) была более высока, нежели у кочевников в предшествующее время.

Таким образом, обряд обезвреживания, вероятно, может служить ещё одним индикатором перехода к оседлости. При этом не следует забывать, что с оседанием кочевники ещё некоторое время придерживались прежнего погребального обряда, как упоминавшиеся пра-

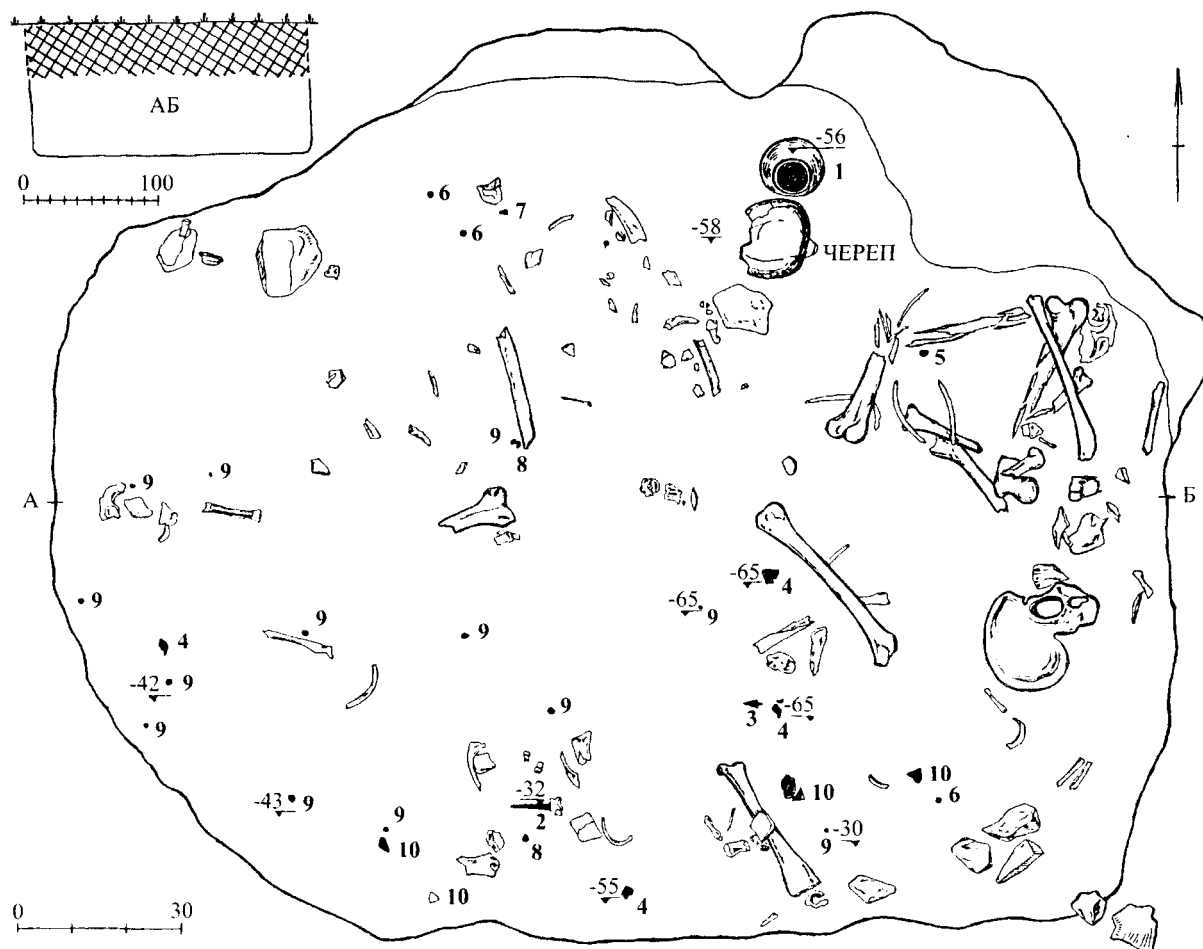

Рис. 1. Могильник Клинь-Яр III. Погребение № 14. Публикуется впервые. 1 – кружка; 2 – нож; 3 – наконечник стрелы, железный; 4 – фрагменты зеркала; 5 – бусина, халцедон.

Fig. 1. The Klyn-Yar burial III. The interment No14. The first publication. 1 – the cup; 2 – the knife; 3 – the iron arrow-head; 4 – the mirror fragments; 5 – the bead, chalcedony.

Abb. 1. Grab Klin-Jar III. Grabstätte 14. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. 1 – Becher; 2 – Messer; 3 – eiserne Pfeilzwinge; 4 – Spiegelfragmente; 5 – Glasperle, Chalzedon.

Dessin 1. Nécropole de Klin-ÿar III. Sépulture 14. Première édition. 1 – gobelet; 2 – couteau; 3 – pointe en fer d'une flèche; 4 – fragments d'une glace; 5 – perle de calcédoine

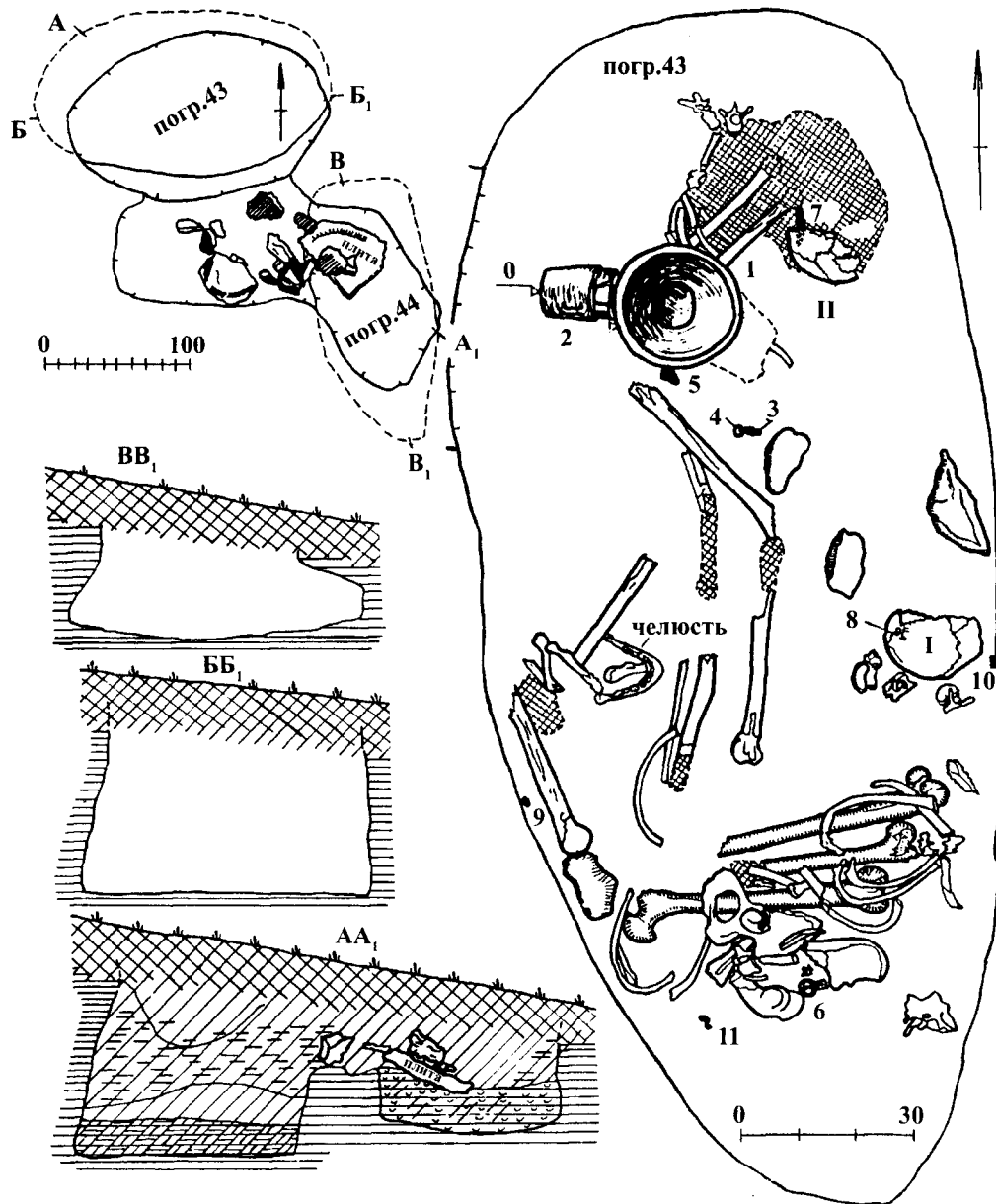

Рис. 2. Могильник Клинь-Яр III. Катакомба № 43/44. Публикуется впервые. На плане погребальной камеры 44: 1 – миска; 2 – кружка; 3 – подвеска, египетский фаянс; 4 – бусина, сердолик; 5 – кремь; 6 – пряжка, сплав на основе меди; 7 – нож; 8 – пряжка железная; 9-11 – фрагмент ножа.

Fig. 2. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No 43/44. The first publication. In the plan of the interment chamber 44: 1 – the basin; 2 – the cup; 3 – the pendant, Egyptian faience; 4 – the bead, cornelian; 5 – the flint; 6 – the clasp, the copper based alloy; 7 – the knife; 8 – the iron clasp; 9-11 – the knife fragments.

Abb. 2. Grab Klin-Jar III. Katakombе № 43/44. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. Auf dem Plan der Beerdigungskammer 44 befinden sich: 1 – Schlüssel; 2 – Becher; 3 – Anhängsel, ägyptische Fayence; 4 – Glasperle, Karneol; 5 – Kieselstein; 6 – Schnalle, Kupferliegerung; 7 – Messer; 8 – Eisenschnalle; 9-11 – Messerfragmente.

Dessin 2. Nécropole de Klin-Ïar III. Catacombe № 43/44. Première édition. Plan d'une chambre funéraire 44: 1 – assiette; 2 – gobelet; 3 – pendentif en faïence égyptienne; 4 – perle de carnoline; 5 – silex; 6 – boucle, alliage à la base de cuivre; 7 – couteau; 8 – boucle de fer; 9-11 – fragments d'un couteau

болгары Самарской Луки, сохранявшие длительное время традицию хоронить под курганами.

* * *

Мы не склонны абсолютизировать как предложенные здесь свои наблюдения и выводы, так и опыт других авторов. Изучение обряда обезвреживания погребенных только начинается, а многим археологам он вообще неизвестен. Впереди ещё предстоят дискуссии как по обряду в целом, так и по отдельным его проявлениям, тем более, что количество могильников с этим обрядом постоянно возрастает. Расширяется география таких открытий, расширяется и хронологический диапазон.

Мы перечислили некоторые проблемы, связанные с обрядом, но их решению должно предшествовать выполнение одного условия: научиться опознавать его в ходе раскопок! Пока этого не произойдет, все обсуждения и дискуссии бессмысленны. Кроме того, надо научиться опознавать обезвреживание в документации прошлых раскопок, прежде всего собственных.

* * *

В настоящей статье не рассматривался конкретный археологический материал. В заключение, чтобы восполнить этот пробел, предлагается несколько чертежей с краткими комментариями к ним могильника Клин-Яр III, расположенного в Центральном Предкавказье в г. Кисловодске.

Для данной публикации этот памятник выбран не случайно. Его уникальная научная ценность заключается в том, что обряд обезвреживания здесь распространяется в первые века н.э. и бытует непрерывно до начала VIII в., когда функционирование могильника прекращается. Это дает основание рассматривать регион Кисловодска, как один из центров возникновения обряда обезвреживания. Вероятно, именно отсюда в конце VII - начале VIII вв. он проникает вместе с его носителями в бассейн Среднего Дона - Северского Донца. Таким образом, мы получаем ещё один аргумент в подтверждение того, что регион Кавказских Минеральных Вод был одним из исходных пунктов переселения части аланских племен в Хазарский каганат, где они приняли участие в формировании салто-маяцкой культуры.

Всего на могильнике Клин-Яр III вскрыто в 1983-1986 гг. более сорока захоронений I в. до н.э. - IV в. н.э., из которых обряд обезвреживания представлен в разных видах в не менее, чем 35 катакомбах, ямах и подбойных погребениях. Ниже дается краткая информация о пяти из них: №№ 14, 43/44, 56, 116, 122.

Погребение № 14 (рис. 1). I - начало II вв. Тип - круглая яма. Погребенные - женщина и ребенок. После захоронения их тела были полностью засыпаны грунтом. При вскрытии ямы, в ходе обряда обезвреживания, грунт из ямы был выбран до появления костей. Последние, конечно, не расчищались, как это делается в процессе современных раскопок. Наиболее крупные из

них пытались вынимать из грунта, и при этом большинство оказалось сломанными. Основная же масса костей была просто перекопана вместе с находившимися тут же вещами (зеркало, нож, астрагал, наконечник стрелы, бусы и бисер). Единственный оставшийся на месте предмет - кружка. Примечательно, что зеркало было не только разломано, но его фрагменты рассеяны затем по всей яме.

Катакомба № 43/44 (рис. 2). II - начало III вв. Катакомба двухкамерная. В одной из камер (вторая разрыта неизвестными в недавнее время) представлено не часто встречающееся на могильнике полное разрушение обоих скелетов. Реконструкция дает следующее.

После похорон камера не засыпалась грунтом и в таком состоянии закрыта каменной плитой, что обеспечивало доступ к останкам при последующем вскрытии, которое и произошло после истлевания мягких тканей. Оба скелета были полностью разрушены, часть костей была сложена в виде характерной для обряда обезвреживания груды. Конечной операцией было размещение бывшей в камере керамики в сочетании, так же типичном для обряда обезвреживания: один сосуд - на боку (кружка), второй - в обычном для сосуда положении (в данном случае - миска). По завершении обряда камера была полностью засыпана грунтом, но плита с дополнительными камнями на место уже не установлена - необходимость в этом отпала. Они брошены во вторичное заполнение входной ямы.

Катакомба № 56 (рис. 3). I - первая половина III вв. Захоронение оказалось чрезвычайно интересным. Дело в том, что в ряде катакомб могильника в ходе обряда обезвреживания многие кости из камер удалялись. Судьба их оставалась неизвестной. Раскопки катакомбы № 56 показали, что они могли переноситься в другие камеры. Таким образом, открылась ещё одна сторона погребального обряда, хотя смысл её не совсем ясен.

Катакомба № 56 первоначально предназначалась только для одного человека, скелет которого после вскрытия незаполненной камеры остался почти ненарушенным, хотя ряд повреждений ему всё-таки нанесли. В основном же, цель вскрытия камеры состояла в перенесении в неё отдельных костей ещё минимум двух скелетов, ранее находившихся в других катакомбах. Возможно, и в одной. Кости одного из них вместе с черепом (на рис. тонированы точками) брошены непосредственно в погребальную камеру. Кости второго брошены перед входом. Наконец, во входной яме найдена ещё одна кость, принадлежавшая совершенно иному скелету. Описанная картина встречена на могильнике Клин-Яр III впервые. Перенос костей из одной камеры в другую, насколько нам известно, до сих пор не отмечен и на других синхронных могильниках Северного Кавказа.

Обратим внимание на интересную деталь - в катакомбе № 56 совершенно отсутствовали какие-либо вещи.

Катакомба № 116 (рис. 4). II - III вв. н.э. Содержала захоронение одного человека в положении "вытянуто на спине". Первоначально камера не была заполнена грунтом, но закрыта плитой с дополнитель-

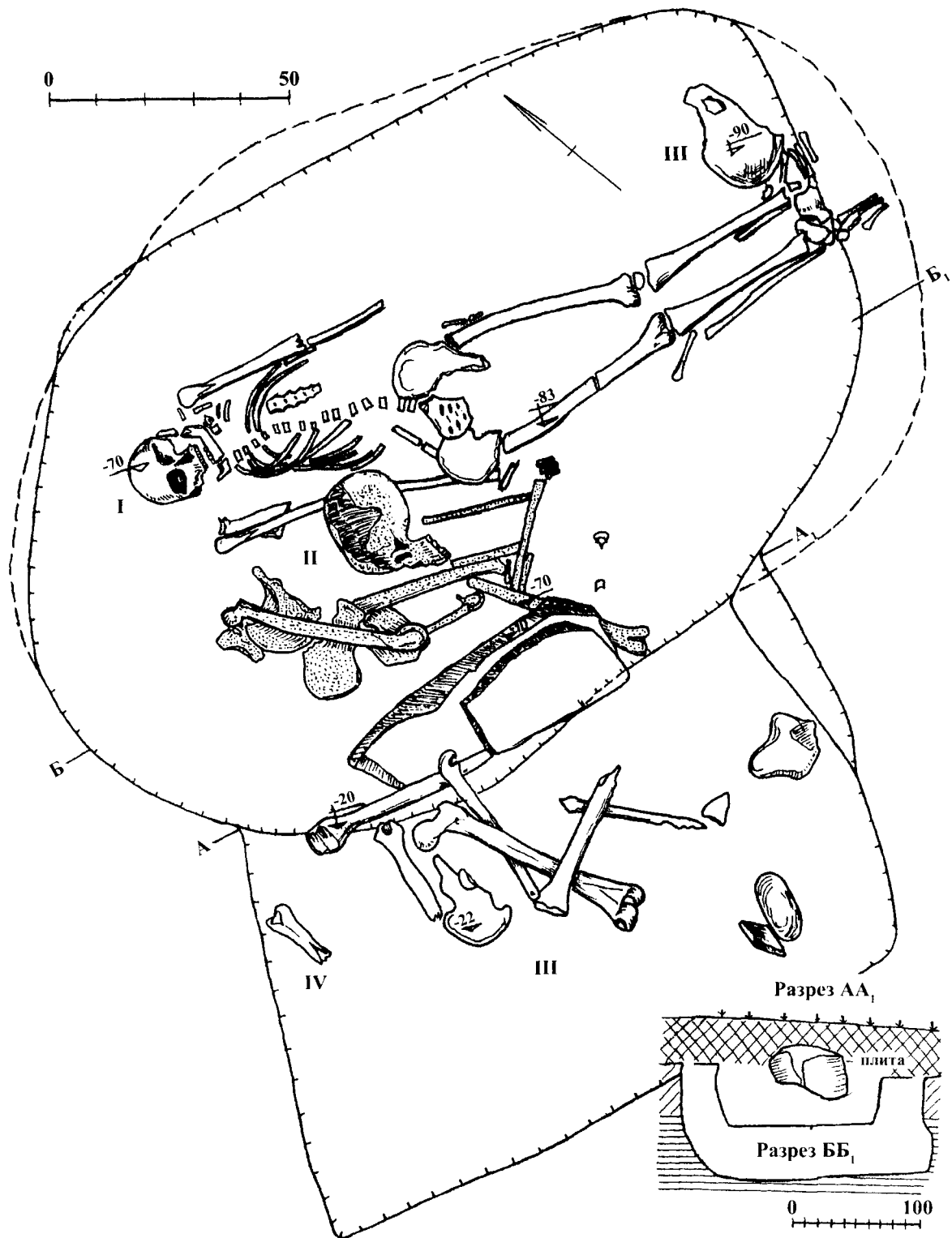

Рис. 3. Могильник Клин-Яр III. Катакомба № 56. Публикуется впервые. I-IV – номера костных останков четырех погребенных.

Fig. 3. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No56. The first publication. I-IV – numbers of the osseous remains of the four buried.

Abb. 3. Grab Klin-Jar III. Katakombе №56. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. I-IV – Knochenleichennummern der 4 Beerdigten.

Dessin 3. Nécropole de Klin-Ĵar III. Catacombe № 56. Première édition. I-IV – №№ des restes osseux de 4 inhumés

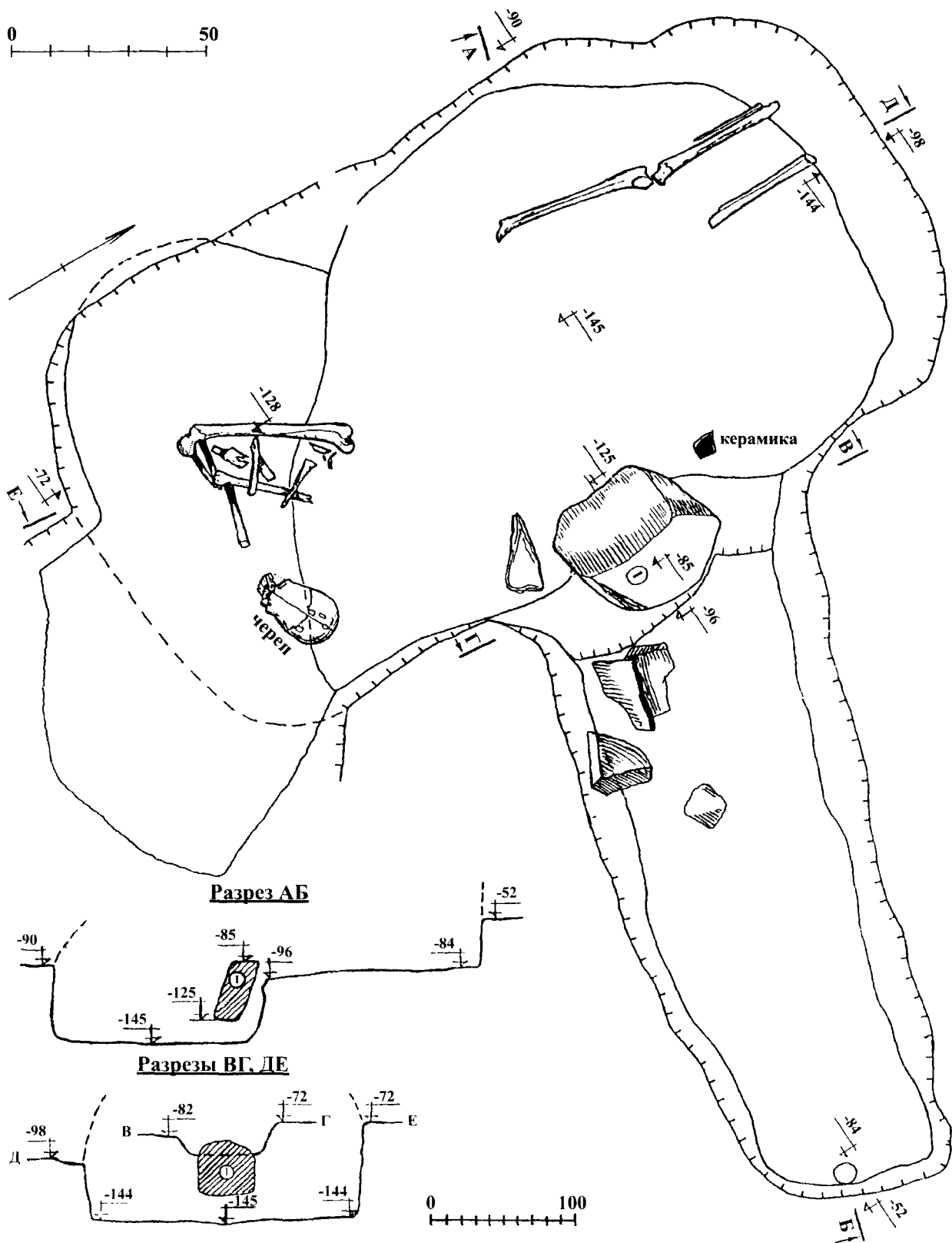

Рис. 4. Могильник Клин-Яр III. Катакомба № 116. Публикуется впервые.
 Fig. 4. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No116. The first publication.
 Abb. 4. Grab Klin-Jar III. Katakombe №116. Es wird zum erstenmal veröffentlicht.
 Dessin 4. Nécropole de Klin-Ïar III. Catacombe № 116. Première édition

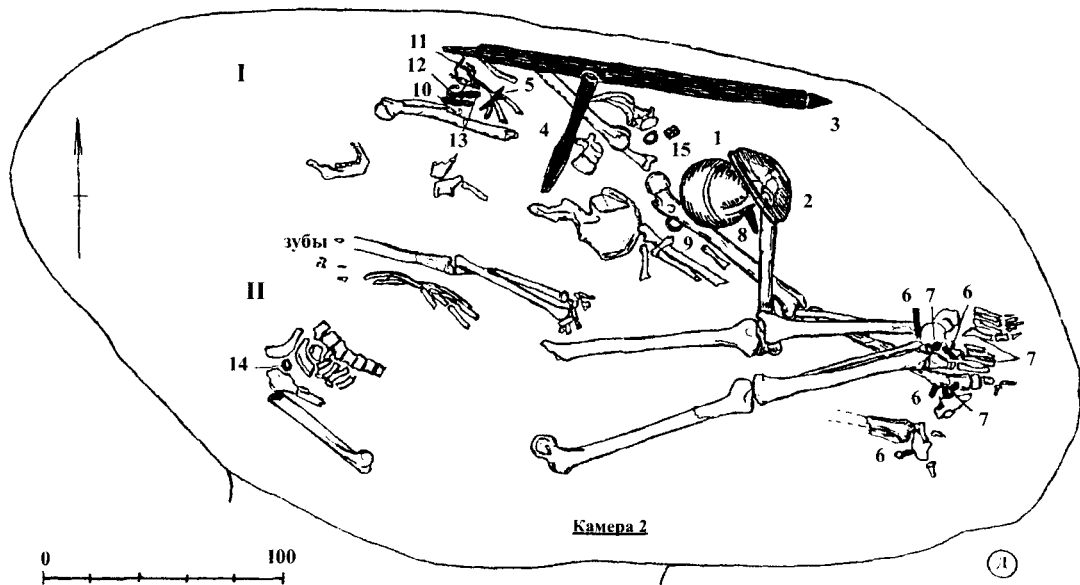
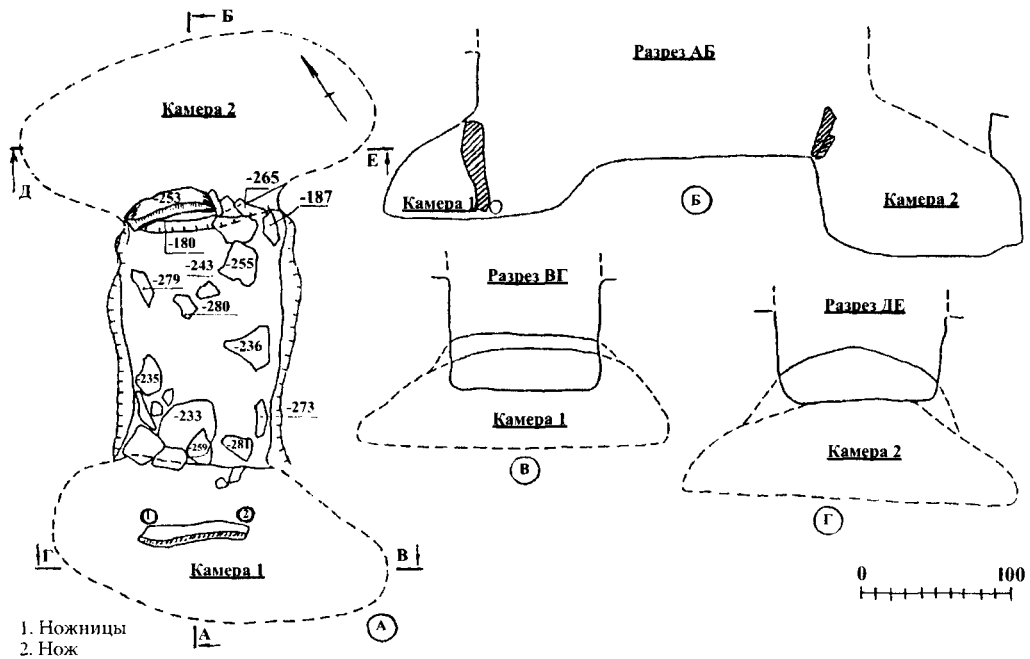

Рис. 5. Могильник Клинь-Яр III. Катакомба № 122. Публикуется впервые. Д – план камеры 2: 1 – кувшин; 2 – миска; 3 – меч; 4 – наконечник копья; 5 – удила; 6, 7 – пряжки и накладки обуви; 8 – нож; 9 – пряжка, сплав на основе меди; 10 – наконечники ремней; 11 – оселок; 12 – удила; 13 – нож; 14 – обойма медная; 15 – пряжки овальнорамчатые железные.

Fig. 5. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No 122. The first publication. Д – the 2nd chamber plan: 1 – the jug; 2 – the basin; 3 – the sword; 4 – the spearhead; 5 – the bit; 6, 7 – the clasps and footwear decorations; 8 – the knife; 9 – the clasp, the copper based alloy; 10 – the belt heads; 11 – the whetstone; 12 – the bit; 13 – the knife; 14 – the copper holder; 15 – the iron oval-framed clasps.

Abb.5. Grab Klin-Jar III. Katakombе № 122. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. Д – Plan der Kammer 2: 1 – Krug; 2 – Schüssel; 3 – Schwert; 4 – Speerspitze; 5 – Gebiss; 6, 7 – Schuhschnallen und -aufgestücke; 8 – Messer; 9 – Schnalle, Kupferliegerung; 10 – Gürtelspitzen; 11 – Schleifstein; 12 – Gebiss; 13 – Messer; 14 – kupferner Ladestreifen; 15 – eiserne Ovalschnallen.

Dessin 5. Nécropole de Klin-Jar III. Catacombe № 122. Première édition. Д – Plan de la chambre 2: 1 – cruche; 2 – assiette; 3 – glaive; 4 – pointe d'une lance; 5 – freins; 6, 7 – agrafes et appliques pour la chaussure; 8 – couteau; 9 – boucle, alliage à la base de cuivre; 10 – ferrets pour la ceinture; 11 – pierre à aiguiser; 12 – freins; 13 – couteau; 14 – frette de cuivre; 15 – boucles de fer ovales

ными камнями. В ходе обряда обезвреживания череп был отброшен в левый передний угол. Большая часть костей из камеры удалена, а оставшиеся сложены грудой на месте черепа. Только длинные кости левой ноги и берцовые правой сохранили первоначальное положение. Единственный предмет в камере - фрагмент сосуда. В целом, картина обряда обезвреживания в катакомбе № 116 типична для могильника.

К а т а к о м б а № 122, двухкамерная (рис. 5). III в. н.э. В камере 1, судя по наличию зеркала, фибулы, ножниц, бус, была захоронена женщина. В ходе обряда обезвреживания её кости были полностью из камеры удалены, надо полагать, для перезахоронения.

Ситуация в камере 2 значительно сложнее.

Первый этап. В ней был погребён воин-мужчина с набором оружия (меч, копье, кинжал) и удилами. Камера оставалась не заполненной, но была закрыта плитой.

Второй этап. Камера вскрывается, производится разрушение скелета мужчины, при этом часть костей и череп из камеры удаляются. Оружие переносится к задней стенке. Перемещены и бывшие при мужчине сосуды - кувшин накрыт миской, а под ними оказался кинжал. На освободившееся место погребается женщина, после чего камера вновь, по-видимому, осталась не заполненной, а плита установлена перед входом в камеру.

Третий этап. Его содержание - типичное обезвреживание, которому был подвергнут скелет женщины. Часть костей её скелета из камеры удаляется. Примечательно, что в камере после двух проникновений осталось значительное количество вещей, включая полузолотую подвеску. После обезвреживания женщины, камера, наконец, полностью заполняется грунтом, а

закладная плита весьма небрежно, чисто символически, устанавливается перед входом.

В связи с ситуацией в катакомбе № 122 возникли два вопроса, которые необходимо упомянуть, хотя прямого ответа на них нет.

Первый вопрос. Какова последовательность захоронений в первой и второй камерах и в какой последовательности происходили проникновения в них?

Прямого ответа на этот вопрос в ходе раскопок получить не удалось. Судя по очертаниям дромоса, катакомба сразу сооружалась как двухкамерная, что дает некоторое основание предполагать одновременность захоронений в первой камере женщины и во второй мужчины. В какой последовательности происходило дальнейшее, остается только гадать. Стратиграфических данных нет - заполнение дромоса и обеих камер оказалось однородным.

Второй вопрос. Было ли разрушение скелета мужчины вызвано только необходимостью освободить место для подзахоронения второй женщины, или же в перемещение его костей вкладывался и иной смысл? Последнее очень вероятно. К этому выводу приводит отсутствие в камере его черепа и ряда костей, а также бережное отношение к его вещам. Сочетание оказалось весьма интересным: скелет разрушен, но оружие при нём сохранено.

Нам остаётся надеяться, что даже столь краткая информация об итогах раскопок могильника Клин-Яр III обратит внимание и других исследователей на появление обряда разрушения скелетов, по крайней мере, с рубежа нашей эры, причем не только в грунтовых, но и в курганных могильниках юга Восточной Европы. И на первых порах важна не трактовка данного обряда, а установление самого факта его бытования.

Литература и архивные материалы

1. Антоний, иеромонах (Святогорец), 1994. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. М.
2. Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
3. Вакарелски Х., 1990. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София.
4. Виноградова Л.Н., 1993. Чтобы покойник "не ходил": комплекс мер в составе погребального обряда// Конференция "Истоки русской культуры". Тезисы докладов. М.
5. Водовозова Е.Н., 1888. Жизнь европейских народов. Том 1. Изд.4. СПб.
6. Галданова Г.Р., 1987. Доламаистические верования бурят. Новосибирск.
7. Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.
8. Голан А., 1993. Миф и реальность. М.
9. Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
10. Димитров Дм., 1983. Археологически проучвания във Варненско за периода VI-X вв.// Известия на народния музей - Варна. Книга (Томе) 19 (34).
11. Зайцев Б., 1990. Афон// Литературная учеба. Кн. 4. М.
12. Иченская О.В., 1981. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника// Древности Среднего Поднепровья. К.

13. Караулов Н.А., 1908. Сведения арабских географов IX - X вв. по РХ о Кавказе, Армении и Азербайджане// СМОМПК. Вып. XXXVIII.
14. Колпаков Е.М., 1987. Религиозные представления и археологические данные// Конференция "Религиозные представления в первобытном обществе". Тезисы докладов. М.
15. Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// РА. № 4.
16. Кузьмин Н.Ю., 1991. Ограбление или обряд?// Реконструкция древних верований: источники, метод, обряд. СПб.
17. Лавров Л.И., 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.
18. Лавров Л.И., 1982. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л.
19. Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
20. Мороз Й., 1989. Женски демонични образи в българския фолклор и вярвания// Известия на Института по култура / 89. 1. София.
21. Плетнёва С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
22. Плетнёва С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.
23. Сага о Греттире, 1976. Новосибирск.
24. Сымонович Э.А., 1963. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху// СА. № 1.
25. Сымонович Э.А., 1967а. Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье// История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М.
26. Сымонович Э.А., 1967б. Новые работы в селе Черняхове// История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М.
27. Токарев С.А., 1983. О жертвоприношениях// Природа. № 10.
28. Федоровский А., 1912. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII - X вв.// Вестник Харьковского историко-филологического общества. Вып. II. Харьков.
29. Флёров В.С., 1984. Маяцкий могильник// Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.
30. Флёров В.С., 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года)// Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.
31. Флёров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград.
32. Флёров В.С., 1997. Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений// Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию Д.И.Багаля. Харьков.
33. Флёров В.С., 1998. Проблемы стратиграфии раннесредневековых катакомб// Юбилейные международные XX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.

Summary

V.S. Fliorov (Moscow)

The Research on the Ceremony of Rendering the Buried Harmless in the Early Medieval Eastern Europe

The article is written on the basis of Khasar kaganate data (Saltovo-Mayaky archaeological culture; Флёров В.С., 1984, 1990, 1993) and is devoted to the ceremony of rendering the buried harmless. Nowadays this ceremony is being found on many burials of different early medieval cultures of Eastern Europe on the territory from the Ural to the Balkans.

The ceremony appeared at the beginning of the 1st c. A.D. (Cherniakhov culture; Сымонович Э.А., 1963, 1967). Fliorov discovered this ceremony in the Northern Caucasus in interments of the 1st-4th cc of Klyn-Yar burial III (excavations of 1983-1986).

The investigated ceremony is characteristic mainly for settled people. The nomads started to follow it only after their transactions to the settled way of life, when the big burials appeared near their settlements. The ceremony of rendering harmless is known in ethnography as existing up to the beginning of the 20th c, mainly in Bulgaria, Aphon.

At present the task of the reconsideration the excavations results of all early medieval burials with the aim of revealing the interments with neutralization in them is highly actual. The author points at the necessity to differentiate between the interments with the neutralization and the robbed interments. It requires the perfection of the excavation method (Флёров В.С., 1997, 1998).

W.S., Fljorow (Moskau)
**Erforschungen des Rituals des frühmittelalterlichen Osteuropas,
das die Beerdigten unschädlich macht**

Der Artikel fußt auf den Angaben von dem Chasarer-Kaganat (die Saltowo-Majaki-Kultur; Флёрв В.С., 1984, 1990, 1993) und ist dem Ritual gewidmet, das die Beerdigten unschädlich macht. Zur Zeit ist dieses Ritual auf vielen Grabstätten verschiedener frühmittelalterlicher Kultur en Osteuropas vom Ural bis zur Balkaninsel bekannt.

Dieses Ritual entstand im 1. Jahrtausend u. Z. (Tschernjachow-Kultur; СЫМОНОВИЧ Э.А., 1963, 1967). Fljorow entdeckte dieses Ritual am Nordkaukasus in den Gräbern des 1.-4. Jhs. in der Grabstätte Klin Jar III (Ausgrabungen der Jahre 1983-1986).

Das Ritual wurde vorwiegend bei sesshaften Völkern entdeckt. Bei Nomaden entsteht das Ritual mit dem Übergang zur Sesshaftigkeit. In der Ethnographie ist dieses Ritual bis Anfang des 20. Jhs. bekannt, insbesondere in Bulgarien und in Aphon.

Heutzutage ist das Problem der Überprüfung der Ergebnisse von den Ausgrabungen aller frühmittelalterlichen Grabstätten ziemlich aktuell zwecks der Feststellung der Gräber mit diesem Ritual. Der Autor weist darauf hin, daß man zwischen den Gräbern mit diesem Ritual und den ausgeraubten Gräbern unterscheiden muß. Das verlangt Verbesserung der Ausgrabungsmethode (Флёрв В.С., 1997, 1998).

V.S. Fljorov (Moscou)
**Rechères sur la cérémonie de l'inoffension des inhumés
à l'époque du haut Moyen Âge en Europe de l'Est**

L'article est écrit à la base des données du khaganat Khazar (civilisation archéologique de Saltovo et de Maïaki; Флёрв В.С., 1984, 1990, 1993). Il est consacré à la cérémonie de l'inoffension. Ce rite est actuellement connu à partir de plusieurs nécropoles des différentes civilisations de l'époque du haut Moyen Âge sur le territoire de l'Europe de l'est, des Monts Oural jusqu'aux Balkans.

L'apparition de la cérémonie date du début du 1 millénaire de notre ère (civilisation tcherniakhov; СЫМОНОВИЧ Э.А., 1963, 1967). Fljorov V.S. découvre ce rite au nord du Caucase dans les sépultures des 1-4 siècles de la nécropole de Klin-Jar III (fouilles des années 1983-1986).

Le rite étudié est surtout typique pour les peuples attachées au sol. Les nomades le voient naître avec le passage à la vie sédentaire et l'apparition de vastes nécropoles près des colonies. Dans l'ethnographie la cérémonie de l'inoffension existe jusqu'au début du 20 siècle, particulièrement en Bulgarie et sur le mont Aphon.

Une tâche d'actualité est de remettre en question les résultats de fouilles de toutes les nécropoles du Moyen Âge avancé dans le but de la découverte des sépultures avec l'inoffension. L'auteur insiste sur la nécessité de différencier les sépultures "inoffensées" de celles violées. Cela exige le perfectionnement de la méthode des fouilles (Флёрв В.С., 1997, 1998).